М. И. Туганъ-Барановскій.

Нравственное міросозерцаніе Достоевскаго.

съ приложеніемъ статьи

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго

„незабвенной памяти М. И. Туганъ-Барановскаго"

ОДЕССА — 1920.

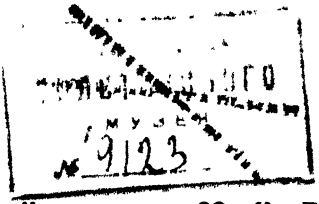
Изданіе Культурно-Просвѣтительнаго Комитета при Южно-Русскомъ Потребительномъ Обществѣ имени профессора М. И. Туганъ-Барановскаго.

— Одесса, уголъ Ришельевской и Греческой. —

ОДЕССА.

Типографія Всероссійскаго Земскаго Союза

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
644
53

Незабвенной памяти М. И. Туганъ-Барановскаго.

Въ 90-хъ годахъ минувшаго вѣка М. И. Туганъ-Барановскій, вмѣстѣ съ П. Б. Струве и вслѣдъ за Плехановымъ, явился однимъ изъ основоположниковъ русскаго марксизма. Въ ряду «русскихъ учениковъ Карла Маркса» ему принадлежало видное мѣсто. Но недолго оставался онъ адептомъ ортодоксальной соціалъ-демократической доктрины. Вскорѣ, на ряду съ П. Б. Струве, онъ оказался «еретикомъ». Но тутъ-же обнаружилось и глубокое различіе между ними. П. Б. Струве, послѣдовательно переходившій отъ одной нѣмецкой доктрины къ другой, былъ и остался типичнымъ «вѣчнымъ ученикомъ». М. И Туганъ-Барановскій отъ марксизма, «ортодоксальнаго» и «еретическаго», прямо перешелъ къ самостоятельному творчеству, и въ его книгахъ и статьяхъ современная соціалистическая мысль получила глубоко-оригинальное выраженіе. Но онъ не создалъ своей доктрины, ибо подъ ферулою доктрины, какъ бы она не удовлетворяла требованіямъ научной мысли, его уму было тѣсно и его душѣ было душно. Въ его сложной и своеобразной натурѣ была глубоко заложена потребность свободы мысли и независимости мнѣній. Оттуда его неспособность умѣститься въ рамкахъ партіи, или явиться вѣрнымъ представителемъ того или иного теченія идеологической или общественной мысли, принципы и стремленія котораго онъ раздѣлялъ. Раздѣлялъ онъ многое и разное, но всегда оставался самъ собою,—не представителемъ группы, не выразителемъ опредѣленнаго теченія, а своеобразною личностью, творчески перерабатывавшею общее достояніе идей въ нѣчто «совсѣмъ свое», единственное въ своемъ родѣ.

Такъ, напримѣръ, извѣстное движеніе нашей идеологической мысли—отъ марксизма и матеріализма къ идеализму, захватившее и его, выразилось у него настолько оригинально, что представителемъ этой очередной идеологіи его признать нельзя; ея шаблона мы не найдемъ въ книгахъ и статьяхъ Туганъ-Барановскаго,—его нужно искать въ статьяхъ и книгахъ Струве,

Бердяева, Булгакова и др. Говоря такъ, я вовсе не хочу утверждать, что у послѣднихъ не было ничего «своего». Напротивъ, у нихъ оказалось даже слишкомъ много «своего» — разныхъ новшествъ вплоть до странностей и капризовъ мысли, какъ философской, такъ и общественной. Я хочу только указать на то, что у нихъ подъ всѣмъ этимъ чувствовалась какая-то связанность духа, просвѣчивалъ шаблонъ идеалистической, метафизической, мистической мысли. Это было «свое», но не новое, это были варіаціи на одну и ту же, весьма старую, тему. Оригинальность Туганъ-Барановскаго въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, сказалась именно въ отсутствіи новшествъ, странностей и уклоновъ мысли,—въ спокойномъ самообладаніи мышленія,—въ гармоническомъ синтезѣ требованій научности съ идеалистическими запросами духа. И въ результатѣ Туганъ-Барановскій остался на своемъ посту и на своемъ пути, — какъ ученый изслѣдователь, какъ мыслитель, и какъ соціалистъ.

Онъ неизмѣнно оставался глубоко самостоятельнымъ и не покидалъ почвы раціональнаго мышленія; но это не мѣшало ему давать волю и искать выраженія глубокимъ запросамъ ирраціональной тяги духа, — метафизической и религіозной.

Въ его статьѣ о «нравственномъ міросозерцаніи Достоевскаго» есть такая фраза: «міръ полонъ тайны и подчиняется своимъ собственнымъ жестокимъ и неумолимымъ законамъ, смысла и цѣли которыхъ человѣческому уму постигнуть невозможно. Но бываютъ иногда мистическіе моменты, когда грубая ткань міра начинаетъ какъ-бы сквозить и просвѣчивать потустороннимъ свѣтомъ»... — М. И. Туганъ-Барановскій принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ натуръ, которымъ доступны эти «мистическіе моменты». «Потусторонній міръ» былъ для него не миомъ, а вѣчной космической тайной, съ которой неразрывно связана вѣчная проблема нравственнаго и религіознаго сознанія. Въ этомъ порядкѣ созерцаній онъ отправлялся отъ Канта и сходился съ Достоевскимъ. Но, повинуясь какому-то здравому инстинкту, онъ останавливался на грани неисповѣдимой тайны и, не въ примѣръ другимъ натурамъ того-же рода, избѣгалъ скороспѣлыхъ мистическихъ оказательствъ.

Онъ былъ мистикъ на свой ладъ, не мудрствующій, но мудрый, — „дѣтски-мудрый“. Эта особаго типа мудрость, свойственная нѣкоторымъ натурамъ высшаго порядка, представляется однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій человѣческаго духа. Я постараюсь отмѣтить ея существенныя черты въ томъ ея нормальномъ видѣ, въ какомъ проявлялась она у покойнаго М. И. Туганъ-Барановскаго.

Есть люди, у которыхъ на всю жизнь сохраняются лучшія черты дѣтской психики: радость бытья, непосредственность переживаній, свѣжесть впечатлѣній, искренность и наивность душевнаго выраженія. Конечно, эти черты даны у нихъ не въ своемъ первоначальномъ, подлинно-дѣтскомъ состояніи, а въ перерожденномъ, или преобразованномъ видѣ, но, при всемъ томъ, самая-то суть психологіи дѣтства остается въ сохранности. Такія натуры, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ чрезвычайно привлекательны. Преимущества дѣтской души сочетаются у нихъ съ преимуществами зрѣлаго возраста. Опытъ лѣтъ, налагающій на душу печать серіозности, дѣловой озабоченности, скрашивается у нихъ незаглохшимъ предрасположеніемъ къ очарованію сказокъ жизни. Міроотношеніе у нихъ, соотвѣтственно возрасту, зрѣлое, умудренное, а міроощущеніе—дѣтское, т. е. неувядшее, непоблекшее. Въ ихъ любознательности есть нѣчто, уподобляющееся наивному любопытству ребенка. Въ напряженной работѣ мысли просвѣчиваютъ черты, напоминающія дѣтскую задумчивость. Среди ученыхъ, мыслителей, художниковъ натуры этого рода встрѣчаются нерѣдко, и можно думать, что такъ-называемая геніальность почти всегда сопряжена съ большею или меньшею сохранностью лучшихъ чертъ дѣтской психики. Онѣ были очень ярко выражены у Руссо, у Гете, у Пушкина, у Гоголя.

Вотъ именно къ числу натуръ этого рода принадлежалъ и покойный М. И. Туганъ-Барановскій. Дѣтское выражалось у него, такъ сказать, походя, непроизвольно и очаровательно—въ житейскомъ обиходѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ, къ дѣламъ, къ идеямъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ характера, въ навыкахъ и пріемахъ мысли. Свѣжестью и цѣльностью души вѣяло отъ его обаятельной личности. Онъ любилъ дѣтей и дѣтскія игры,—и могъ подѣтски—серіозно радоваться удачному для него исходу игры и столь-же серіозно огорчаться при неудачѣ. Этой забавной чертой, какъ нельзя лучше, оттѣняется непосредственность, свѣжесть воспріятій, натуральная наивность переживаній. Таковъ же онъ и въ своей ученой и литературной работѣ. Читайте его книги... Вы не найдете тамъ и слѣда той, я бы сказалъ, психической «нахмуренности», какою отличаются натуры, утратившія благодать «вѣчно-дѣтскаго». Взамѣнъ того, вы увидите душу, неомраченную житейскимъ скептицизмомъ, пріемлющую міръ, какъ онъ есть, и преисполненную несокрушимой вѣры въ силу и торжество добра. Оттуда и спокойствіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искрящаяся жизнерадость его научной и идеологической мысли, въ которой нѣтъ ни запальчивости поле-

миста, ни пафоса трибуна, ни предвзятости адепта той или иной школы. Важные и глубокіе теоретическіе вопросы, въ томъ числѣ и такъ-называемые „проклятые“, и вопросы практическіе, включая и самые жгучіе или больные, разсматриваются и обсуждаются, прежде всего, съ любопытствомъ (черта «вѣчно-дѣтская»), при чемъ мы не видимъ ни «нахмуреннаго чела», ни претензіи на «глубокомысліе», ни боязни показаться «наивнымъ».—и въ безоблачности спокойной мысли, въ прозрачной ясности стиля, какъ въ зеркалѣ отраждается глубина прекрасной, «дѣтски-мудрой» души.

Люди такого уклада духа всегда въ высшей степени цѣнны, а въ особенности въ такое время, какъ наше, когда мы утрачиваемъ остатки натуральной жизнерадости, присущей всему истинно-живому, когда мы теряемъ вѣру въ людей, въ себя, въ лучшее будущее. Отъ такихъ натуръ, какъ покойный М. И. Туганъ-Барановскій, излучается свѣтъ и теплота жизни. Безвременно ушелъ отъ насъ большой мыслитель, ученый и публицистъ. Будь онъ сейчасъ среди насъ, мы легче переносили бы тяготу бытья и увѣреннѣе, бодрѣе смотрѣли бы въ сгущенную мглу грядущаго..

Д. Овсянико-Куликовскій.

Нравственное міровоззрѣніе Достоевскаго.

Изъ всѣхъ русскихъ писателей Достоевскій всего болѣе писатель будущаго. При жизни онъ почти не былъ понятъ: въ немъ видѣли талантливаго романиста, цѣнили его защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“, но совершенно не подозрѣвали геніальнаго мыслителя. Для многихъ онъ до конца жизни былъ только „жестокимъ талантомъ“ и публицистомъ славянофильско-реакціоннаго направленія. Первыя произведенія Достоевскаго, въ которыхъ его міровоззрѣніе только складывалось и которыя намъ кажутся теперь совершенно ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что онъ далъ впослѣдствіи, имѣли шумный успѣхъ, за которымъ послѣдовало быстрое охлажденіе къ писателю какъ со стороны публики, такъ и со стороны такихъ руководителей общественнаго мнѣнія, какъ Бѣлинскій и его кружокъ. Затѣмъ его популярность, какъ романиста, стала расти, при полномъ, однако, игнорированіи болѣе глубокаго содержанія его грандіозныхъ романовъ. Въ „Преступленіи и наказаніи“ замѣтили только „гуманную мысль“—что преступникъ не всегда бываетъ злодѣемъ; „Идіотъ“ былъ совершенно непонятъ и почти незамѣченъ, а „Бѣсы“ вызвали негодованіе, какъ пасквиль на либераловъ и революціонеровъ. И только къ самому концу жизни Достоевскаго русская интеллигенція какъ бы противъ воли и безсознательно начинаетъ все болѣе и болѣе подчиняться очарованію великаго писателя, какъ показалъ единственный въ своемъ родѣ и безпримѣрный въ Россіи успѣхъ его пушкинской рѣчи, внезапно выросшей въ цѣлое событіе: геній, хотя и на мгновеніе, но покорилъ таки толпу—даже такую косную толпу, какъ та, съ которой онъ имѣлъ дѣло.

Въ наше время Достоевскій все болѣе и болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе. Но его всемірно-историческое значеніе еще мало сознается: у насъ его едва начинаютъ понимать, а на Западѣ онъ болѣе возбуждаетъ любопытства, чѣмъ дѣйствительнаго и глубокаго интереса. А между тѣмъ, если за послѣдніе полвѣка былъ писатель, въ равной степени необходимый и важный для всякаго современнаго человѣка, какой бы національности онъ ни былъ, то это именно творецъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Не смотря на свою необычайно тѣсную связь съ Россіей, Достоевскій такъ же мало принадлежитъ только Россіи, какъ Шекспиръ Англіи или Гете Германіи. Въ этомъ смыслѣ

онъ весь еще въ будущемъ; и, быть можетъ, еще пройдетъ много десятилѣтій ранѣе, чѣмъ цивилизованный міръ откроетъ Достоевскаго, узнаетъ, поймётъ и полюбитъ его.

Достоевскаго много разъ сопоставляли съ Ницше. И дѣйствительно, многія страницы его предвосхищаютъ излюбленныя мысли нѣмецкаго философа; но въ общемъ и цѣломъ стройное и законченное міросозерцаніе нашего писателя имѣетъ лишь нѣкоторые пункты соприкосновенія съ причудливымъ и парадоксальнымъ фейерверкомъ мыслей Ницше. Для Достоевскаго идеи Ницше были только однимъ изъ превзойденыхъ этаповъ его умственнаго развитія, точнѣе, однимъ изъ уголковъ его собственнаго философскаго царства. И если ужъ сопоставлять Достоевскаго съ кѣмъ либо изъ философовъ Запада, то скорѣе всего съ величайшимъ изъ философовъ новаго времени—Кантомъ.

Трудно допустить прямое вліяніе Канта на автора „Карамазовыхъ"—слишкомъ они ужъ различны по всему своему духовному складу. Уравновѣшенный, спокойный, весь безъ остатка погруженный въ свои умственные интересы, проводившій съ правильностью хорошей машины свою до послѣдней степени размѣренную и заключенную въ неизмѣнныя внѣшнія рамки жизнь, аккуратнѣйшій нѣмецкій профессоръ не имѣлъ ничего общаго со страстной и мятущейся натурой Достоевскаго, всегда и во всемъ „переходившаго черту". Но Кантъ былъ величайшимъ философскимъ выразителемъ того міросозерцанія, характернаго для всей новой исторіи со временъ возрожденія, которое признало верховной святыней жизни человѣческую личность; то же міросозерцаніе выразилъ въ небывалыхъ во всемірной литературѣ по своей силѣ и яркости художественныхъ образахъ и Достоевскій. Міросозерцаніе одного было міросозерцаніемъ и другого, и было каждому изъ нихъ въ равной мѣрѣ внушено духомъ всей нашей исторической эпохи. И вотъ почему самые поразительные образы Достоевскаго составляютъ какъ бы художественный комментарій къ нравственной философіи Канта; комментарій и вмѣстѣ развитіе и углубленіе.

Центральной идеей нравственной философіи Канта является идея безконечной цѣнности человѣческой личности; какъ естественный выводъ отсюда получается идея равноцѣнности человѣческой личности, ибо безконечность равна безконечности. Но формулировавъ эту идею съ полной ясностью, Кантъ не далъ ей окончательнаго развитія и не показалъ разрѣшенія съ ея точки зрѣнія чрезвычайно трудныхъ проблемъ практической жизни. Именно это исполнилъ Достоевскій и въ этомъ его непреходящая заслуга, какъ моральнаго философа.

Прежде всего, идея верховной цѣнности человѣческой личности требуетъ обоснованія: нужно показать, почему мы цѣнимъ человѣческую личность такъ необычайно высоко. Обоснованіе это непосредственно приводитъ къ проблемѣ Бога. Затѣмъ, идея эта должна быть истолкована, какъ основа нравственнаго закона — она приводитъ къ проблемѣ человѣчества. И, наконецъ, съ ея точки зрѣнія должно быть дано объясненіе нарушенію нравственнаго закона, иначе говоря — требуетъ разрѣшенія проблема мірового зла. Эти три

великія проблемы поглощали все вниманіе Достоевскаго и имъ посвящено его лучшее творчество.

„Меня Богъ всю жизнь мучилъ“, говоритъ въ „Бѣсахъ“ Кирилловъ. Въ лицѣ Кириллова мы имѣемъ передъ собой человѣка огромной душевной силы и съ неутолимой жаждой абсолюта. Подавляющему большинству людей такъ назыв. высшіе интересы, не связанные непосредственно съ поддержаніемъ существованія и чувственными удовольствіями разнаго рода, только изрѣдка и слабо напоминаютъ о себѣ. Но есть люди, душевная организація которыхъ такова, что интересы этого порядка способны вытѣснять въ ихъ душѣ всѣ остальные. Такимъ человѣкомъ и является Кирилловъ.

Безъ вѣры въ абсолютную цѣнность жить онъ не можетъ Но въ Бога онъ не вѣритъ: если же нѣтъ Бога, разсуждаетъ онъ, то нѣтъ и абсолютнаго нравственнаго закона, ибо какое другое основаніе, кромѣ абсолютнаго добра, можетъ имѣть этотъ законъ? Гдѣ же найти, однако, абсолютную цѣнность, если Богъ и добро не являются таковой? Единственной цѣнностью, и, значитъ, уже абсолютной цѣнностью, послѣ упраздненія другихъ, остается человѣческая личность. И вотъ Кирилловъ приходитъ къ выводу, что человѣкъ долженъ стать для себя абсолютной цѣнностью, иначе говоря „стать для себя богомъ“ „Сознать, что нѣтъ Бога и не сознать, что самъ богомъ сталъ, есть нелѣпость“, думаетъ онъ.

Но стать для себя богомъ, не значитъ не признавать другихъ цѣнностей, кромѣ своихъ интересовъ. Интересы человѣка относительны, достиженіе ихъ ограничено законами природы и, въ концѣ концовъ, смертью, предстоящей каждому. Кирилловъ же жаждетъ абсолютной цѣнности, которая ничѣмъ не можетъ быть ограничена, и хочетъ превратить въ нее единственную цѣнность, которая у него осталась,—человѣческую личность.

Чтобы стать абсолютной цѣнностью, человѣческая личность должна стать безгранично могущественной и свободной. А для этого нужно, чтобы воля человѣка не была ничѣмъ стѣснена, чтобы человѣкъ ничего не боялся, не боялся того, что всего больше страшитъ его — смерти.

„Будетъ новый человѣкъ, счастливый, гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ... Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, тогда все новое... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически“.

Аттрибутомъ этого новаго человѣка — человѣко-бога — будетъ „своеволіе“ — безграничная дерзость воли, полное и абсолютное безстрашіе. Но какъ можетъ человѣкъ доказать, что его воля лишена всякаго страха? Только однимъ — добровольнымъ самоубійствомъ. Именно этотъ актъ является верховнымъ и единственнымъ доказательствомъ того, что всѣ границы для воли человѣка безповоротно и окончательно пали. „Я три года искалъ аттрибутъ божества моего,—говоритъ Кирилловъ, и на-

шель: атрибутъ божества моего — своеволіе. Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу свою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы доказать непокорность и новую страшную свободу свою".

Самоубійство есть высшее доступное человѣку проявленіе его своеволія. Низшимъ проявленіемъ того же было бы убійство другого человѣка. Убивая другого, человѣкъ доказываетъ, что для его воли не существуетъ преградъ нравственнаго закона, что Бога для него нѣтъ, но онъ самъ еще не становится поэтому богомъ—для его воли могутъ остаться преграды страха боли и смерти. И только убивая себя, человѣкъ разрушаетъ всѣ преграды своей воли, становится богомъ.

Конечно, самоубійцъ были милліоны, но всѣ они убивали себя отъ жизненныхъ неудачъ, изъ страха, а „не для того, чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ"

И Кириловъ себя убиваетъ, убиваетъ въ отвратительной обстановкѣ, служа низкимъ цѣлямъ человѣка, котораго презираетъ и ненавидитъ, Петра Верховенскаго, представляющаго собой моральный антиподъ ему самому. Но какъ бы ни былъ гадокъ Верховенскій и какъ бы ни была безсмысленна по своимъ практическимъ послѣдствіямъ прикрывающая чужія преступленія смерть Кириллова, Кириловъ не можетъ и не долженъ, со своей точки зрѣнія, отказаться отъ выполненія своего намѣренія. Ибо если бы для чего бы то ни было на свѣтѣ онъ могъ отказаться отъ самоубійства, то гдѣ же было бы его безграничное своеволіе, которое онъ считаетъ себя призваннымъ заявить? Потрясающая картина смерти Кириллова и вся предшествующая сцена, въ которой во весь ростъ обрисовываются оба дѣйствующихъ персонажа драмы,—Верховенскій, съ совершеннымъ цинизмомъ и бездушіемъ требующій добровольной смерти ненавидящаго его человѣка для сокрытія слѣдовъ сдѣланнаго имъ подлаго убійства, и высокій и чистый духомъ Кириловъ, приносящій эту поразительную жертву,—нужна для того, чтобы величина „своеволія" самоубійцы обнаружилась во всѣхъ своихъ фантастическихъ размѣрахъ. Большихъ размѣровъ „своеволія" мы, дѣйствительно, и представить себѣ не можемъ.

Какой же смыслъ всего этого удивительнаго художественнаго образа, созданнаго Достоевскимъ? Кириловъ, какъ сказано, прежде всего, глубоко религіозная натура; онъ не можетъ жить безъ Бога, но въ Бога онъ не вѣритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это не мистикъ и не аскетъ, не понимающій и чуждый жизни. Напротивъ, онъ страстно любитъ жизнь во вѣхъ ея проявленіяхъ: онъ во всемъ чувствуетъ радость жизни. „Когда мнѣ было десять лѣтъ—говоритъ онъ Ставрогину—я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо и опять закрывалъ.. Человѣкъ несчастливъ, потому что не знаетъ, что онъ счастливъ: только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ станетъ счастливъ, сію минуту... Я всему молюсь. Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ

ему за то, что онъ ползетъ". По своей любви къ жизни, по своей способности понимать красоту и прелесть мира Кириллов братъ по духу святыхъ Достоевскаго—князя Мышкина и старца Зосимы: и для него, какъ и для нихъ, „жизнь есть рай". И, однако, онъ добровольно бросаетъ этотъ рай и отдаетъ свою жизнь въ распоряженіе злодѣя для его честолюбивыхъ цѣлей. Почему такой ужасный контрастъ между душевнымъ обликомъ и практическимъ дѣломъ?

Отвѣтъ ясенъ. Потому, что Кириллову не хватило самаго главнаго для практическаго дѣла — вѣры въ Бога. Онъ самъ этимъ объясняетъ въ предсмертномъ разговорѣ съ Верковенскимъ свою трагическую судьбу. „Богъ необходимъ и потому долженъ быть. Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть. Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ двумя такими мыслями нельзя оставаться въ живыхъ? Неужели ты не понимаешь, что изъ-за этого только одного можно застрѣлить себя? Ты не понимаешь, что можетъ быть такой человѣкъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи вашихъ милліоновъ, одинъ, который не захочетъ и не перенесетъ?". Утративши Бога, Кириллов попытался замѣнить его человѣческой личностью. Но оказалось, что идея верховной цѣнности человѣческой личности, внѣ идеи Бога, не только непригодна для построенія жизни, а наоборотъ, ведетъ прямымъ путемъ въ отказу отъ жизни и самоубійству. Фигурой Кириллова Достоевскій говоритъ, что идея самоцѣльности человѣческой личности неизбѣжно предполагаетъ, какъ свое скрытое основаніе, идею абсолютнаго добра, иначе говоря, идею Бога. Внѣ этой послѣдней идеи, личность перестаетъ быть верховной цѣнностью, а жажда превратить ее въ таковую приводитъ къ собственному уничтоженію личности. Идея самоцѣльной личности внѣ абсолютнаго добра есть, иными словами, внутренне противорѣчивая идея.

Итакъ, личность человѣка становится абсолютной цѣнностью лишь постольку, поскольку мы предполагаемъ существованіе абсолютнаго добра Внѣ Бога и человѣкъ утрачиваетъ свою безконечную цѣнность — таковъ отвѣтъ Достоевскаго на вопросъ объ обоснованіи идеи самоцѣльности личности. Нравственный законъ самымъ фактомъ своего существованія требуетъ признанія Бога.

Такимъ образомъ разрѣшается Достоевскимъ проблема Бога—въ полномъ соотвѣтствіи съ философіей Канта, постулирующей Бога, какъ единственно возможную основу нравственнаго закона. Человѣкъ обладаетъ безконечной цѣнность потому, что обладаетъ нравственымъ сознаніемъ; въ его нравственномъ сознаніи отражается Божественный разумъ, на человѣкѣ почіетъ отблескъ Божества, сообщающій свою безконечную цѣнность и носителю нравственнаго сознанія—человѣку.

Но всѣ ли люди обладаютъ въ равной мѣрѣ нравственнымъ сознаніемъ? Конечно, нѣтъ. Если же такъ, то не слѣдуетъ ли заключить, что цѣнность человѣческой личности должна быть, по необходимости, различна: чѣмъ ниже нравственное сознаніе человѣка, тѣмъ меньшую цѣнность представляетъ его личность, переставая быть верховной цѣлью въ себѣ и превращаясь въ

средство для болѣе высокихъ личностей. Люди неравноцѣнны и болѣе высокіе изъ нихъ имѣютъ нравственное право превращать въ средство для высокихъ своихъ цѣлей личности людей, стоящихъ ниже ихъ по своему нравственному сознанію. Неравенство—не только законъ существующаго человѣческаго общества. но. повидомому, и непзмѣнный законъ морали.

Такимъ образомъ возникаетъ новая этическая проблема—какъ примирить безконечную цѣнность человѣческой личности и вытекающую отсюда ихъ равноцѣнность съ реальнымъ неравенствомъ людей, логически приводящимъ, повидимому, къ признанію ихъ неравноцѣнности. Эта вторая проблема — проблема человѣческаго общежитія, проблема человѣчества — непосредственно вытекаетъ изъ первой проблемы, проблемы Бога, какъ основы нравственнаго закона. Разрѣшеніе этой второй проблемы Достоевскій далъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ образовъ.

Убѣжденіе въ неравноцѣнности людей есть основное убѣжденіе Раскольникова въ „Преступленіи и наказаніи“. Для него весь родъ человѣческій дѣлится на двѣ неравныя части: большинство, толпу обыкновенныхъ людей, являющихся сырымъ матеріаломъ исторіи, и немногочисленную кучку людей высшаго духа. дѣлающихъ исторію и ведущихъ за собой человѣчество. „Огромная масса людей, матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, черезъ какое-то усиліе, какимъ то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ, ну хоть изъ тысячи одного, хотя бы сколько нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкой самостоятельностью рождается можетъ быть изъ десяти тысячъ одинъ.. Еще съ болѣе широкой—изъ ста тысячъ одинъ... Геніальные люди—изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершающіе человѣчество, — можетъ быть по истеченіи многихъ тысячъ милліоновъ людей на землѣ“.

Геній, великіе люди—цѣль человѣчества, обыкновенные люди, толпа — средство къ этой цѣли. Естественно, что и образъ дѣйствій тѣхъ и другихъ долженъ быть совершенно различенъ; то, что обязательно для человѣка толпы, не можетъ связывать воли великаго человѣка. „Необыкновенный человѣкъ имѣетъ право ..то есть неоффиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть .. черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть для всего человѣчества) того потребуетъ... Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ комбинаціи, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію, то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже обязанъ бы былъ ...устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству“.

Все это очень логично. И вотъ Раскольникову, озлобленному нуждой, угнетавшей не только его, но и его мать и сестру „осужденную таскаться въ гувернанткахъ“, приходитъ мысль, какъ бы поступилъ на его мѣстѣ великій человѣкъ, Наполеонъ,

если бы для его карьеры требовалось совершить убійство какой нибудь ничтожной старухи. На этомъ вопросѣ онъ мучился страшно долго, такъ что ему „ужасно стыдно стало“, когда онъ „вдругъ догадался“, что Наполеонъ не только не испугался бы убійства „но ему даже въ голову бы не пришло, что это не монументально ...и даже не понялъ бы онъ совсѣмъ: чего то коробиться? И если бы только не было ему другой дороги, то задушилъ бы такъ, что и пикнуть бы не далъ, безъ всякой задумчивости“. И „по примѣру авторитета“ Раскольниковъ совершаетъ убійство.

Убивши старуху, онъ не только не испытываетъ раскаянія, но больше, чѣмъ когда либо вѣритъ въ свою теорію. Даже въ послѣднюю минуту, идя въ участокъ, чтобы выдать себя, онъ не хочетъ признать, что ему есть въ чемъ раскаиваться. „Преступленіе? Какое преступленіе?—кричитъ онъ своей сестрѣ.—то, что я убилъ гадкую, зловредную вошь, старушенку-процентщицу, никому ненужную, которую убить сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это то преступленіе? (Ты кровь пролилъ“—говоритъ ему сестра). „Которую всѣ проливаютъ—подхватываетъ онъ въ изступленіи,—которая льется, какъ водопадъ, которую льютъ, какъ шампанское и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ потомъ благодѣтелемъ человѣчества. Да ты взгляни пристальнѣе и разгляди! Я самъ хотѣлъ добра людямъ и сдѣлалъ бы сотни, тысячи добрыхъ дѣлъ вмѣсто одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, такъ какъ вся эта мысль была вовсе не такъ глупа, какъ теперь она кажется (при неудачѣ все кажется глупо)... Никогда, никогда яснѣе я не сознавалъ этого, какъ теперь, и болѣе чѣмъ когда либо не понимаю моего преступленія! Никогда, никогда не былъ я сильнѣе и убѣжденнѣе, чѣмъ теперь!“.

И несмотря на убѣжденіе въ своей правотѣ, онъ идетъ и доноситъ на себя, принимаетъ наказаніе за преступленіе, котораго, по его мнѣнію, не совершалъ. Что-то высшее, чѣмъ доводы разсудка, побѣждаетъ его волю. Эта борьба безсознательной воли, протестующей противъ пролитой крови, и разума, оправдывающаго кровь, и составляетъ душевную драму Раскольниковъ послѣ преступленія. Даже когда воля—слѣпой и непонятный нравственный инстиктъ—окончательно побѣждаетъ, когда Раскольниковъ уже томится на каторгѣ, разумъ все не сдается и все отказывается признать свою неправоту. „И хотя бы судьба послала ему раскаяніе—жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отгоняющее сонъ, такое раскаяніе, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещится петля и омутъ! О, онъ обрадовался бы ему! Муки и слезы—вѣдь это тоже жизнь. Но онъ не раскаявался въ своемъ преступленіи. Вотъ въ чемъ одномъ признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинной“.

Эта явка съ повинной доказывала въ его глазахъ не то, что его теорія не вѣрна, а то, что онъ самъ не принадлежитъ къ числу великихъ людей, которые могутъ преступать нравственные законы „Если бы только я зарѣзалъ изъ-за того, что голоденъ былъ, то я бы теперь *счастливъ* былъ“ говоритъ онъ

Сонѣ Мармеладовой. „Мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣе узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я преступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая или право имѣю?.. И неужели ты думаешь, что я не зналъ, напримѣръ хоть того, что ужъ если я началъ себя спрашивать и допрашивать: имѣю ли я право власть имѣть?—то, стало быть, не имѣю права власть имѣть. И что если задаю вопросъ: вошь ли человѣкъ?—то стало быть уже не вошь человѣкъ для меня, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ, кто прямо безъ вопросовъ идетъ. Ужъ если я столько дней промучился, пошелъ ли бы Наполеонъ или нѣтъ? Такъ вѣдь ужъ ясно чувствовалъ, что я не Наполеонъ".

Вотъ это-то и терзаетъ Раскольникова—онъ оказался обыкновеннымъ человѣкомъ, подвластнымъ нравственному закону. Онъ хотѣлъ имѣть „свободу и власть, а главное власть! Надъ всей дрожащей тварью, надъ всѣмъ муравейникомъ!" И эту власть онъ долженъ былъ получить освобожденіемъ себя отъ нравственности закона. Но нравственный законъ оказался сильнѣе его, и онъ палъ...

И только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторги въ душѣ Раскольникова совершается переворотъ: онъ признаетъ свое преступленіе и этимъ возрождается къ новой жизни. Нравственное сознаніе побѣдило.

Такова трагедія Раскольникова. Безсознательный инстинктъ оказался сильнѣе теоріи, несмотря на ея логическую неуязвимость.

И, дѣйствительно, въ чемъ ошибочность этой теоріи? Съ точки зрѣнія утилитарной морали противъ нея совершенно нечего возразить. Съ этой точки зрѣнія нравственность или безнравственность извѣстнаго образа дѣйствій опредѣляется балансомъ пользы или вреда для общества отъ этихъ дѣйствій. Если въ результатѣ получается плюсъ на сторонѣ пользы, то данный образъ дѣйствій является нравственнымъ. Великое научное открытіе могло принести пользу милліонамъ людей; развѣ не требуетъ нравственный долгъ пожертвовать для него, если это необходимо, жизнью нѣсколькихъ десятковъ людей? Или, если взять примѣръ самого Раскольникова, развѣ общество проиграло отъ того, что убита „гадкая вошь"—старуха-ростовщица и что ея деньги перешли человѣку, который дастъ имъ, несомнѣнно, гораздо лучшее употребленіе? На это можно возразить, что если въ отдѣльномъ частномъ случаѣ общество и можетъ выиграть отъ убійства, то распространеніе въ обществѣ равнодушія къ человѣческой жизни, несомнѣнно, опасно и невыгодно для общества; поэтому общество заинтересовано въ томъ чтобы убійство внушало страхъ человѣку совершенно независимо отъ того, каковы будутъ послѣдствія убійства. Это такъ, но ни малѣйшимъ образомъ не колеблетъ теоріи Раскольникова: вѣдь и онъ согласенъ, что масса должна быть подвластна слѣпому инстинкту страха крови. Онъ требуетъ только свободы отъ этого инстинкта, какъ и вообще отъ всего безсознательнаго, не находящаго себѣ объясненія въ разумѣ, для немногихъ избранниковъ человѣчества, которые могутъ вмѣстить всякую

правду—а вѣдь правда то заключается съ точки зрѣнія утилитарной морали въ томъ, что убійство человѣка, если оно увеличиваетъ сумму счастія въ обществѣ, нравственно.

Именно неотразимая логика этого разсужденія и губитъ Раскольникова; онъ не боится правды, не хочетъ подчиняться слѣпымъ инстинктамъ—и гибнетъ. Какая-то ошибка въ его разсужденіи, слѣдовательно, была.

Да, была, была въ томъ, что онъ хотѣлъ логически обосновать, рационализировать нѣчто по самому своему существу не допускающее такого логическаго обоснованія, рационализированія. Онъ хотѣлъ вплотную рациональной морали и логическимъ путемъ пришелъ къ ея полному отрицанію Онъ искалъ логическихъ доказательствъ нравственнаго закона—и не понималъ, что нравственный законъ не требуетъ доказательствъ, не долженъ, не можетъ быть доказанъ—ибо онъ получаетъ свою верховную санкцію не извнѣ, а изъ самого себя. Почему личность всякаго человѣка представляетъ собой святыню? Никакого логическаго основанія для этого привести нельзя, какъ нельзя привести логическаго основанія для всего того, что существуетъ собственной своей силой, независимо отъ нашей воли Фактъ тотъ, что наше нравственное сознаніе непобѣдимо утверждаетъ намъ святость человѣческой личности; таковъ нравственный законъ. Каково бы ни было происхожденіе этого закона, онъ столь же реально существуетъ въ нашей душѣ и не допускаетъ своего нарушенія, какъ любой законъ природы. Раскольниковъ попробовалъ его нарушить—и палъ. И такъ долженъ пасть каждый, кто обладая нравственнымъ сознаніемъ, нарушитъ нравственный законъ.

Конечно, у кого нравственное сознаніе спитъ, тотъ можетъ совершенно спокойно проливать кровь, не вызывая никакихъ трагедій въ своей душѣ. Верховенскій совершаетъ убійство безъ всякой особой надобности и не чувствуетъ отъ этого ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти. У кого совѣсти нѣтъ, тому не приходится ея бояться. Но такимъ людямъ и не приходится спрашивать себя, имѣютъ ли они право убить другого—они не нуждаются въ моральномъ оправданіи своихъ дѣйствій. Раскольниковъ же обладаетъ совѣстью, и она мститъ ему за попраніе нравственнаго закона.

Этотъ нравственный законъ провозглашаетъ, что всякая человѣческая личность есть верховная святыня совершенно независимо отъ того, каковы моральныя достоинства этого человѣка. Самый низкій и самый преступный человѣкъ такая же безконечная цѣнность, какъ и самый высокій: никто не можетъ быть средствомъ въ рукахъ другого, а каждый составляетъ цѣль въ себѣ. Или, какъ говоритъ Кантъ, „въ природѣ все, что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ, и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо есть цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль".

Въ этомъ смыслѣ всѣ люди равны между собой, какъ бы они ни были различны и неравны въ другихъ отношеніяхъ Раскольниковъ отвергаетъ начало равноцѣнности человѣческой личности и тѣмъ самымъ отвергъ нравственный законъ. Если вообще личность человѣка можетъ быть святыней, то личность всякаго человѣка безъ различія. Ибо отъ святого до злодѣя существуетъ безчисленное множество незамѣтныхъ переходовъ: на какой же изъ этихъ ступеней личность человѣка становится священной? Или всѣ личности священны, или никакая изъ нихъ.

Интересно сравнить Раскольникова съ Кирилловымъ. Трагедія того и другого существенно различна. Кириллова мучитъ Богъ: онъ стремится къ свободѣ, хочетъ сдѣлать человѣка богомъ и для этого убиваетъ себя Раскольниковъ не думаетъ о Богѣ, онъ стремится къ власти, хочетъ подчинить себѣ „дрожащую тварь“ и для этого убиваетъ другого человѣка. Кирилловъ ничего не хочетъ для себя—онъ вѣритъ въ безконечную цѣнность, значитъ, равноцѣнность человѣческой личности; Раскольниковъ всего хочетъ для себя, онъ отрицаетъ равенство людей. Кирилловъ хочетъ убить страхъ смерти, Раскольниковъ—страхъ убійства Кирилловъ осуществляетъ собой высшую ступень человѣческаго своеволія. Раскольниковъ — низшую.

Въ лицѣ Кириллова Достоевскій казнитъ отрицаніе Бога и показываетъ, что человѣческая личность, сама по себѣ, не можетъ быть Богомъ. Въ лицѣ Раскольникова Достоевскій казнитъ отрицаніе святости человѣческой личности и показываетъ, что всякая человѣческая личность обладаетъ этой святостью и что въ этомъ отношеніи всѣ люди равны.

Еще глубже та же проблема самоцѣльности и равноцѣнности человѣческой личности разработана Достоевскимъ въ его послѣднемъ великомъ романѣ — въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Въ „Великомъ инквизиторѣ“ Достоевскій сопоставляетъ два соціальныхъ идеала, которые дѣлятъ между собой человѣчество. Въ чемъ идеалъ человѣческой жизни—въ достиженіи наибольшаго счастья или въ наибольшей нравственной высотѣ личности?—таковъ вопросъ, который ставитъ Христу въ своей изступленной рѣчи великій инквизиторъ. Этотъ старикъ еще гораздо глубже Раскольникова убѣжденъ въ коренномъ неравенствѣ людей; но въ отличіе отъ Раскольникова, онъ не убиваетъ, а самъ себя приноситъ въ жертву. Онъ презираетъ людей и любитъ ихъ любовью, основанной на жгучемъ состраданіи къ ихъ жалкой безпомощности и къ ихъ ничтожеству — любитъ, какъ любятъ слабыхъ, порочныхъ дѣтей. Правда, съ этой любовью соединяется такая жажда власти и такая гордыня, которыхъ Раскольникову и не снилось. Раскольниковъ хочетъ побѣдить людей силой — хочетъ, чтобы передъ нимъ „трепетала дрожащая тварь“; честолюбіе великаго инквизитора гораздо больше — онъ хочетъ окончательно покорить себѣ волю людей, всю безъ остатка, хочетъ стать для людей высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ, богомъ, передъ которымъ добровольно преклонялись, на котораго молились бы эти жалкія существа.

Христосъ отвергъ искушенія „страшнаго и умнаго духа

духа небытія". Христосъ не захотѣлъ прельстить людей земными благами, не захотѣлъ подчинить Себѣ ихъ духа чудомъ и основать на этомъ всемірное, земное царство. „Ты не захотѣлъ — говоритъ Ему великій инквизиторъ — лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли Ты, что во имя этого самого хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ нимъ, восклицая" „Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси?".. Вмѣсто твердаго древняго закона — свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководство образъ Твой передъ собою,—но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же, наконецъ, и оспоритъ даже и образъ Твой и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора?.. Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства и не вини въ этомъ никого болѣе... Ты не сошелъ съ креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня тебя: „Сойди съ креста и увѣруемъ, что это Ты. „Ты не сошелъ потому, что опять таки не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника передъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками".

Христосъ принесъ человѣку свободу, но и съ ней и страданія, неразрывно связанныя со свободой. Великій инквизиторъ хочетъ „исправить подвигъ Христа"—отнять у человѣка свободу, которая для него непереносима, и подчинить его твердой и неизмѣнной власти авторитета, дать людямъ „тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы" „О, мы убѣдимъ людей — восклицаетъ онъ въ дикомъ восторгѣ—не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ какъ дѣти, за то, что мы позволимъ грѣшить".

И люди превратятся въ тихихъ, довольныхъ людей. „Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ и за гробомъ обрящутъ лишь смерть —ибо если бы и было что на томъ свѣтѣ, то ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они".

Но тѣ, кто будутъ пасти это стадо и создавать счастье милліоновъ существъ, сами не будутъ счастливы: какъ могутъ

они быть счастливы, когда на ихъ плечахъ будетъ лежать все страшное бремя свободы и когда все царство ихъ будетъ основано на лжи, когда они во имя Христа лишатъ людей того самого дара, который Христосъ принесъ людямъ—свободы? „Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла".

Передъ нами поразительная картина человѣчества, въ которомъ огромное большинство до такой степени унижено, до такой степени утратило человѣческую личность, что даже лишилось высшаго дара человѣка — безсмертной души, — но зато пріобрѣло счастье, а меньшинство получило безграничную власть надъ остальными милліонами, но заплатило за эту власть страшной цѣной неутомимой душевной муки.

Гдѣ же правда? Христосъ любилъ людей, но принесъ имъ страданіе свободы; великій инквизиторъ тоже любилъ людей—и онъ былъ въ пустынѣ и онъ истязалъ себя, и онъ пожертвовалъ собой для человѣчества — и принесъ людямъ счастье, лишивъ ихъ свободы. Съ точки зрѣнія утилитаризма вся правда на сторонѣ инквизитора: вѣдь люди счастливы въ его царствѣ. Что съ того, что они перестали быть людьми и утратили безсмертную душу? Людямъ нужно только счастье, и его они получили.

Но для кого человѣческая личность, во всей своей сложности, со своей свободой совѣсти, со своимъ свободнымъ нравственнымъ сознаніемъ есть чрезвычайная цѣнность, тотъ никогда не согласится пожертвовать человѣческой свободой ни для чего въ мірѣ—даже и для счастія человѣчества. Лучше пусть люди страдаютъ отъ познанія добра и зла, чѣмъ будутъ счастливы, отказавшись отъ этой свободы. Человѣчество существуетъ не для счастья, а для безконечнаго совершенствованія личности человѣка; счастье же цѣнно потому, что оно идетъ рядомъ съ этой болѣе высокой цѣлью и содѣйствуетъ ея достиженію. И потому вся правда на сторонѣ Христа. Мечта же великаго инквизитора есть ложь, внушенная ему непониманіемъ величія человѣческой личности. Въ своей гордынѣ онъ думаетъ, что другіе люди не обладаютъ такой личностью, какъ онъ самъ; но люди не такъ ничтожны, какъ ему кажется, и, главное, не должны быть такъ ничтожны и не всегда будутъ такъ ничтожны. Слабый человѣкъ можетъ стать сильнѣе — и къ этому-то и нужно стремиться, твердо вѣруя въ возможность возвышенія человѣка; какъ ни низко стоитъ человѣчество, но въ своемъ историческомъ развитіи идетъ не внизъ, а вверхъ, и никто не можетъ сказать, какъ далеко оно зайдетъ въ этомъ движеніи. Именно въ этомъ движеніи и заключается жизнь, а то, что проповѣдуетъ инквизиторъ, есть отказъ отъ жизни, духовная и физическая смерть.

Весь секретъ великаго инквизитора,—какъ говоритъ Алеша Карамазовъ,—въ томъ, что онъ не вѣруетъ въ Бога. Не вѣруя въ Бога, онъ не вѣритъ и въ человѣка, въ самоцѣльность человѣческой личности. Этимъ послѣднимъ онъ отличается отъ Кириллова—и именно потому можетъ жить: нельзя вѣрить въ человѣка и не вѣрить въ Бога, если же нѣтъ вѣры ни въ Бога, ни въ человѣка, то жизнь возможна, но жизнь внѣ нравствен-

наго закона—даже при возвышенномъ духѣ и любви къ людямъ. Мрачная и фантастичная мечта великаго инквизитора равносильна уничтоженію человѣчества — ибо если одни люди утратили человѣческую личность и превратились въ покорныхъ животныхъ, а другіе отдались духу лжи и только этимъ сохранили свою личность, то какую цѣнность имѣетъ такое человѣчество и не представляетъ ли оно просто „діаволовъ водевиль“? И не лучше ли смерть и окончательное уничтоженіе такого человѣчества, чѣмъ то подобіе жизни, которое сохраняетъ ему инквизиторъ?

Великій инквизиторъ родствененъ по духу Раскольникову, но несравненно сильнѣе и выше его. Раскольниковъ просто крѣпкій волей и умомъ, властный человѣкъ, великій же инквизиторъ—исполинъ, титанъ, способный перевернуть міръ. Раскольниковъ убиваетъ другого человѣка и все-таки не получаетъ власти надъ людьми, великій же инквизиторъ самъ приноситъ себя въ жертву и этимъ достигаетъ безграничной власти надъ человѣчествомъ. Раскольниковъ, въ концѣ концовъ, раскаивается и отказывается отъ своей мечты—великій инквизиторъ пребываетъ твердъ до конца и не боится вызвать на судъ самого Бога.

Въ томъ же романѣ Достоевскій съ необычайной силой ставитъ и третью великую проблему, которая его мучила— проблему мірового зла Проблема эта непосредственно вытекаетъ изъ двухъ первыхъ Если Богъ есть и если человѣкъ самоцѣль, то человѣкъ можетъ страдать только за свои вины, за то злое, что онъ совершилъ; страданіе непосредственно вытекаетъ въ этомъ случаѣ изъ факта свободнаго самоопредѣленія преступника и представляетъ собой единственное средство для возстановленія попраннаго нравственнаго закона Ибо если зло не будетъ искуплено, то гдѣ же справедливость? Но какъ объяснить и оправдать безвинное страданіе? А вѣдь безвинное страданіе не только существуетъ въ мірѣ, но его ужасно, безмѣрно много. За что страдаютъ, напримѣръ, дѣти, въ которыхъ никакого зла быть не можетъ уже потому, что они не обладаютъ еще полнымъ нравственнымъ сознаніемъ? „Если всѣ должны страдать — говоритъ Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ,—чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то причемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собой для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то ужъ, конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна“.

Безвинное страданіе ничѣмъ не можетъ быть оправдано. И если оно въ мірѣ существуетъ, значитъ міръ не можетъ быть оправданъ нашимъ нравственнымъ чувствомъ. „Представь—спрашиваетъ Иванъ Алешу,—что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осча-

стливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы всего замучить лишь одно только крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился ли бы ты архитекторомъ на этихъ условіяхъ скажи и не лги!

— Нѣтъ, не согласился бы—тихо проговорилъ Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остались бы навѣки счастливыми?

— Нѣтъ, не могу допустить".

И, конечно, ничего другого отвѣтить Алеша не можетъ. Если каждый человѣкъ есть абсолютная цѣль, то никакая гармонія, какъ бы грандіозна и высока она ни была, не можетъ быть куплена цѣной безвинной жертвы хотя бы одного человѣка. Значитъ, если я вѣрю въ Бога и абсолютное добро, я долженъ отвергнуть міръ, какъ несогласный съ его волей Какая бы ни была гармонія впереди, она „не стоитъ слезинки хотя бы одного того замученнаго ребенка, который билъ себя кулаченкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ „Боженькѣ". Не стоитъ потому, что слезки остались неискупленными". И потому Иванъ отвергаетъ гармонію. „Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу Я хочу лучше оставаться со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя я былъ бы и не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это я и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю".

Итакъ, міръ не отъ Бога, ибо въ мірѣ зло, а Богъ абсолютное добро. Но если не отъ Бога, то отъ кого? И мыслима ли идея Бога, стоящаго внѣ міра и не подчиняющаго себѣ міръ? Конечно, нѣтъ. И потому Иванъ Карамазовъ совершенно напрасно говоритъ, что онъ принимаетъ Бога, а только его отвергаетъ міръ: отвергнувши міръ, онъ отвергъ и Бога

Проблема мірового зла есть самая трудная проблема религіознаго сознанія—точнѣе говоря, неразрѣшимая проблема для нашего „эвклидова" ума Преодолѣвается она у Достоевскаго мистической идеей вины каждаго за всѣхъ. Неотмщенное безвинное страданіе заставляетъ Ивана отвергнуть міръ во имя оскорбленнаго нравственнаго чувства, требующаго мести; но есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ месть—это прощеніе и любовь. Чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ меньше мѣста остается для негодованія и мести Иванъ не любитъ людей и вовсе не во имя любви къ людямъ онъ отвергаетъ міръ: онъ потому и останавливается на страданіяхъ дѣтей, что дѣтей онъ любитъ, а людей нѣтъ. Для гордаго человѣка дѣтей любить гораздо легче, чѣмъ людей: съ дѣтьми не приходится ничего дѣлить, дѣти ничѣмъ

не могутъ оскорбить, дѣтямъ не въ чемъ завидовать. И дѣтей Иванъ любитъ и жалѣетъ жгучей жалостью. Взрослыхъ же людей Иванъ не только не любитъ, а прямо и не обинуясь заявляетъ, что „они отвратительны и любви не заслуживаютъ". Для тѣхъ же кто любитъ людей не только, когда они еще безвинны и не знаютъ добра и зла, но и грѣшныхъ, слабыхъ и порочныхъ, какими они становятся впослѣдствіи, проблема мірового зла является въ другомъ освѣщеніи.

Князь Мышкинъ въ „Идіотѣ", старецъ Зосима и Алеша въ „Карамазовыхъ" — вотъ типы истыхъ человѣколюбцевъ у Достоевскаго. У Ивана благородная, но гордая, злобная и завистливая душа, онъ живетъ высокими интересами, но весь живетъ въ себѣ. Онъ умѣетъ цѣнить любовь — но именно потому, что самъ совершенно ея лишенъ (къ равнымъ себѣ, къ взрослымъ). „Отвлеченно еще можно любить ближняго — думаетъ онъ — и даже иногда издали, но вблизи почти никогда... Положимъ, я напримѣръ, глубоко могу страдать, но другой никогда, вѣдь, не можетъ узнать, до какой степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и, сверхъ того, рѣдко человѣкъ согласится признать другого за страдальца (точно будто это чинъ). Почему не согласится? Потому, напримѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ, что у меня глупое лицо, потому что я разъ когда-то отдавилъ у него ногу".

Но бываютъ люди, хотя ихъ и мало, которые обладаютъ этимъ чуднымъ даромъ любви: ихъ не пугаетъ и дурной запахъ другого человѣка и его непріятное лицо. Они любятъ не только хорошихъ (которыхъ любить легко и которыхъ всякій полюбитъ), но и дурныхъ и даже иногда именно на дурныхъ и останавливаютъ по преимуществу свое любовное вниманіе изъ особаго состраданія къ нимъ. Такіе люди, когда встрѣчаютъ зло, то по душевной организаціи своей больше волнуются состраданіемъ и жалостью къ обиженному, чѣмъ злобой и негодованіемъ противъ обидчика, ибо вообще въ ихъ душѣ любовь сильнѣе злобы Любовь даетъ имъ великое счастье и радость и потому, сколько бы зла они ни видѣли вокругъ, они органически не могутъ проклясть міръ, какъ это дѣлаетъ Иванъ. Они для этого слишкомъ любятъ этотъ міръ и если видятъ зло вокругъ себя, то по любящей натурѣ своей скорѣе склонны устатривать причину этого зла не въ другихъ, а въ самихъ себѣ. „Знайте, милые, — поучаетъ старецъ Зосима, — что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ; несомнѣнно, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей, за всякаго человѣка на сей землѣ".

Великая любовь къ людямъ приводитъ такихъ человѣколюбцевъ къ тому, что ихъ собственная личность какъ бы растворяется и и сливается съ человѣчествомъ, не только, однако, не теряя своей индивидуальности, но именно утверждая ее; полные любовью, они благословляютъ жизнь и міръ. „Мама — говоритъ умирающій братъ Зосимы — не плачь, жизнь есть рай, всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай".

Если жизнь есть рай, то гдѣ же проблема мірового зла?

Ея уже нѣтъ, потому что нѣтъ и самого зла, прощеннаго, побѣжденнаго любовью.

Міръ полонъ тайны и подчиняется своимъ собственнымъ, жестокимъ и неумолимымъ законамъ, смысла и цѣли которыхъ человѣческому уму постигнуть невозможно. Но бываютъ иногда мистическіе моменты, когда грубая ткань міра начинаетъ какъ бы сквозить и просвѣчивать потустороннимъ свѣтомъ. Такой моментъ пережилъ и любимый герой Достоевскаго—Алеша Карамазовъ послѣ смерти своего друга и учителя. „Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился неясный еще Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты, въ клумбахъ около дома, заснули до утра. Тишина земная какъ бы соприкасалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ и другъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Обней землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои"... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны „и не стыдился изступленія сего". Какъ будто нити отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его, и она вся трепетала „соприкасаясь мірамъ инымъ". Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все и просить прощенія, о! не себѣ, а за вѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просятъ" — прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его—и это уже на всю жизнь на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и сознался и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша, во всю жизнь свою потомъ этой минуты. „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ" говорилъ онъ потомъ съ твердой вѣрою въ слова свои".

Таково мистическое преодоленіе Достоевскимъ проблемы мірового зла. Но какъ бы мы ни отнеслись къ положительному отвѣту автора „Карамазовыхъ", нельзя не признать, что самая проблема поставлена имъ съ такой силой, какъ ни кѣмъ другимъ. Отверженіе міра Иваномъ Карамазовымъ во имя правъ человѣческой личности есть высшая ступень выраженія того міровоззрѣнія, которое обще Достоевскому со всѣми великими умами эпохи. Идея верховной цѣнности и святости человѣческой личности нашла въ Достоевскомъ своего самаго мощнаго выразителя—и въ этомъ его право на всемірное значеніе и на безсмертіе.

М. Туганъ-Барановскій.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук